
ПРОЗА

Яков КРИВОНОСОВ

ДВУГЛАВЫЙ ЗМЕЙ – ЗОЛОТАЯ ГРИВНА **Повествование историческое и ироническое**

*Памяти моих учителей и товарищей по краеведению
Алексея Павловича Уманского и Алексея Дмитриевича
Сергеева посвящаю*

Честно говоря, название этого опуса и подзаголовков я придумал лежа на диване, долго таскал их с собой по городу и по лесу где-то в устно-мозговом запаснике и сомнений не ведал. Но стоило изобразить их на экране компьютера, червь этого самого сомнения зашевелился. Все ли знают, что такое гривна? На всякий случай объясняю: имею в виду не огромную пудовую единицу расчета киевских князей, и не десятикопеечник позапрошлого века, и не деньги самостийной нынешней Украины, а кольцеобразный нашейный символ власти древних ханов. И ещё: можно ли считать историческим рассказ о знакомых мне людях пятидесятилетней давности, который вкраплен будет в повествование? А почему бы нет, если происходило это в прошлом веке.

Ну, это – присказка.

А началось со звонка. В управление культуры. Старческий голос по междугородке спрашивал: «Кто у вас занимается древними могилами?» Молодящаяся кассирша, пробормотав: «Какой-то ненормальный талдычит, кто у нас специалист по могилам, с похоронным бюро, что ли,

перепутал», хотела уж бросить трубку, как её выхватил сосед. Оказалось, звонил учитель из Б-ского райцентра. Там в карьере по заготовке глины обнаружили старинное захоронение. Он, учитель истории, добился, чтоб прекратили работы. Но надо бы посмотреть специалистам. Директор кирпичного завода бушует. Начали копать в другом месте, а там ещё одна могила. План горит.

Сосед, упитанный мужчина лет сорока, был инспектором по охране памятников и как раз специалистом по древним могилам. Более того, его медом не корми, а дай покопаться в старинных курганах, поперебирать косточки и черепа далеких наших предков. Бр-р... Он и отпуска свои уж много лет не на морях и пляжах расходовал, а в пыльных ямах с мозолями на руках. Вот пишут, что многие из тех, кто забирается внутрь пирамид, заболевают неведомой заразой и умирают. По моим наблюдениям, есть не менее заразительная болезнь археологов, которую можно назвать «бугровая страсть». Стоит историку, студенту, даже школьнику поработать сезон на раскопках, он обречен на пожизненное гробокопательство. Именно поэтому сорокалетний инспектор, по местному прозвищу Палыч, с телячьей резвостью запрыгал к своему столу, ущипнул, походя, кассршу, не скажу, в какое место, и помчался, напевая, к начальству. Заняться вместо бумажной скукоты, да в рабочее время, раскопками – редчайшая роскошь. И почему это полные человеки оптимисты. И весельчаки. А тощие – зануды. А ещё и некоторые изгаляются над собой, чтоб сбросить вес. Это сказано не зря. Потому что к концу дня в кабинете появилась личность тощей комплекции по прозвищу Митрич. Преподаватель института. Они сотрудничали с инспектором постоянно, имели одинаковые имена. Не возражали, когда студенты называли одного Палычем, другого Митричем, что и я делаю. Митрич и

был тот лиходея, что ежегодно поставлял кадры будущих вечных бугровщиков в экспедиции. Зуб горит рассказать вам, как они поднимали пыль до потолка, насакивая друг на друга по поводу определения времени изготовления извлеченной из могилы стрелы, глиняной черепахи. Но повествование моё торопит, ведь кирзавод-то на простое.

Уже через день Митрич и Палыч на берегу моего родного Чарыша, и пожилой учитель, одетый, несмотря на жару, в темный костюм с галстуком, ведет их на место раскопок. За ним стайка из четырех старшеклассников с лопатами. Он тоже суховат и жилист, поднимается по пыльному склону шустро, успевая обстоятельно рассказывать о случившемся:

– Берег Чарыша у нас склад древностей. То вымыло огромный зуб мамонта. Кое-как с ребятами дотащили до школы. То пастух выкачал из берега мамонтовый клык, заарканил его, приволок в свою ограду, и вся деревня ходила к нему откалывать хорошо сохранившиеся пластины, из которых изготавливали рукоятки для ножей. Чуть до драки не дошло, когда мы потащили клык в школьный музей. Года три назад обвалившийся пласт яра обнажил чудо: из стены берега торчала часть гроба, вытесанного из цельного дерева. Я не мог объяснить ученикам, как он туда попал. Метра три-четыре от поверхности и метров десять от уровня воды. Подползли на животах к краю обрыва и увидели через проломившуюся крышку клочки яркосиней и лиловой ткани вроде шелка. Пока соображали, как до находки добраться, Чарыш решил проблему, подмыл яр, отвалилась очередная глыба и гроб исчез бесследно. Между прочим, в деревне поговаривают, что добытчики глины, которые нашли могилы, присвоили серебряную змейку из них, надеются разбогатеть, недоумки. Должен я посыпать пеплом главу седую – все бывшие ученики мои, прости господи. Недоучил.

Несомненно, древние эти захоронения оказались на самом верху, невдалеке от склона в пойму реки, в полсотне метров друг от друга. Позади простиралась слегка всхолмленная ковыльная степь, впереди открывался чарующий вид извивающегося серебристой змеей Чарыша с многочисленными протоками, островками, а совсем вдали за ним в вечерней дымке бугрилась манящая душу горная цепь. Такая, что очарованно озирающий окрестности Палыч произнёс:

– Умели далёкие предки наши устраиваться на вечный покой... Что лучше может желать человек, давший дуба. Запомни, Митрич, мой завет. Когда со мной это случится, скажи всем, завещал я закопать корыто с моими останками вот в таком месте.

Прибывшие спецы долго испытывали нетерпенье ребят, неспешно осматривая откопанные части бревенчатых срубов в ямах, переговариваясь на своем гробокопательском сленге, пересыпая руками сухую глину. Только включились подростки в работу – стали осторожно снимать глину с бревенчатых накатов, которыми были прикрыты срубы, стало темнеть. Тут возник ещё один персонаж нашего рассказа. Снизу, тяжело пыхтя, спешил плотный невысокий мужик неопределённого возраста, сходу произнеся речь:

– Слава богу, начальство верхнее прибыло и скажет, где можно, а где нельзя нам ковырять свою совхозную землю. А то учитель мой бывший готов под лопаты копщикам лечь. Нельзя ли пошустрее определиться?

Это был, конечно, директор, кирзавода. «Верхнее начальство», то бишь археологи, в некоторой растерянности отмолчались. Они увлеклись своим делом и забыли о горящем плане. Выручил учитель неожиданным предложением:

А вот не слабо тебе, Вася, извини, Василий Кузьмич, переночевать здесь с нами? А завтра сможешь ковырять сколько угодно. У меня припасен ответ на твой вопрос. Но ты его, я уверен, получишь на восходе.

Видя, что и ученые, и ребята в недоумении, он добавил:
– Ночи теперь короткие, «одна заря сменить другую спешит». Тепло. Посидеть у костерка, поговорить с умными людьми, когда ещё такая возможность представится. У нас с ребятами на этот случай чебачки жареные приготовлены, огурчики малосольные, молочко ненормированное.

– Шик! – сказал Палыч.

– Роскошь! – сказал Митрич.

Ребята гурьбой сходили в глубь степи к озерку, принесли вязанки сухостойного раkitника, и запыхал костер. После шумного пиршества учитель попросил приезжих высказать предположение, что за люди здесь похоронены, как они жили, какие заветы нам оставили. Ведь каждая эпоха накапливает опыт жизнеустройства – добрый и худой, но в любом случае бесполезный.

– М-мда-а... – сказал Палыч.

– Задача не из легких, – сказал Митрич. – Значит, вы, Иван Иванович, не согласны с теми, кто утверждает, что история никого и ничему не учит.

– Ни боже мой. Иначе зачем бы я вот с этими сорванцами маялся всю жизнь.

Вполне солидарен с вами, сказал Палыч. А вот по части предположений и гипотез среди нас есть маэстро. Он кроме исторических трудов ещё и историко-гипотетические повести опубликовал. Давай, Алексей Дмитриевич! Время до рассвета ещё есть.

– Попробуем... – сказал Митрич. – Точно угадать сейчас, кто и когда тут жил, затруднительно. Ведь в течение столетий и даже тысячелетий по этой земле протопало не

менее тридцати волн кочевников, оставивших в память о себе могилки и топонимы – имена рек, озер, гор. Об одних из них, таких как телеуты, тюрки, монголы, киргизы, калмыки, мы знаем довольно много, о других меньше, а о некоторых почти ничего. Осмелюсь предположить, что вот здесь мы имеем могильники наших бывших земляков из числа последних. В некоторых древних источниках мелькают сведения, что неизвестно откуда свалился на привольные свободные пастбища лесостепи в междуречье Оби и Иртыша таинственный народ. Пожил здесь неопределённое время и отбыл неведомо почему в какое-то тридевятое царство. Назывался народ айратами, то бишь пастухами. Будто бы вождем народа был пастух, сам пас овец. И не было у них никакой знати, богатых и бедных. В их могилах не встречается золота и дорогих украшений, чего мы, археологи, недолюбливаем. Что мы обнаружили в обследованном срубе? Бич и деревянный пастушеский посох. А курган-то приличный. Не значит ли это, что похоронен далеко не рядовой пастух, а Пастырь человека, Отец народа, а бич и посох – символы его власти? Как думаешь, Палыч?

– Заливай дальше. Даже мне интересно.

– А теперь представьте себе: здесь, где мы сидим, вытопанная овцами поскотина. А по степи вольготно на расстоянии друг от друга островерхие чумы. Там, где деревня, – сосновый лес, направо на взгорке уже желтеют по осени лиственницы, из которых изготавливаются долговечные срубы в могилах. Осенний месяц они называют оин, что значит, пора любви, свадеб, соединения судеб.

На поляне возле лиственничной рощи два ряда молодежи лицом друг к другу. В одном ряду девушки, в другом – парни. На пригорке сидит дед с дудкой и наигрывает

бесконечные весёлые немудрящие мелодии. Участники игрища сцепили руки на плечах и пританцовывают в такт музыке. Смех и говор, шутки и прибаутки. Но действие-то серьёзное. Идет выбор спутников жизни.

Вот легко, как молодая козочка, бежит меж рядов раскосая красавица по имени Хун-Кызы, что значит Солнечная дева. Легким, едва уловимым взлетом руки, будто горлица крылом, она зовет давно задуманную судьбу, сына Отца народа Алаты – Рожденного в горах. Парень, давно мечтавший об этом зове, как даре богов, вырывается из дружеской цепи, и влюбленные скрываются в тени лиственниц.

Белое одеяние девушки мелькает меж темных стволов, как светлый бестелесный дух, готовый вот-вот испариться. Алаты зайцем скачет по мягкому иголочному подстилу, то и дело рискуя столкнуться с деревом. Легковесным бисером рассыпается по лесу призывный, обманчивый смех невесты. Кажется, ещё рывок, и счастье в его объятьях. Но чем дольше бег, тем печальнее парень осознаёт: не догнать. Такого слабака гордая красавица не захочет иметь в мужьях. Вот девушка выбежала на опушку, спустилась по склону к реке, устроилась на камень. Алаты в растерянности присел на расстоянии. Хун-Кызы смотрела на него без упрека и насмешки, открыто и ясно, будто пыталась предугадать их долгую совместную судьбу. Алаты всё ещё в замешательстве бездумно вынул из-за пазухи пастушью дудку – шор, стал наигрывать. Хун-Кызы вдруг попросила:

– Сыграй «Две реки сливаются навеки...

Послушав, произнесла:

– А теперь « Горлица зовет голубя в своё гнездо...

Взяв жениха за руку, она повела его в заросли черёмухи, где по древнему обычаю был ею приготовлен и услан душистыми травами шалаш.

Проснувшись, Алаты с испугом обнаружил, что он в шалаше один. Солнце стояло уже высоко и пригревало по-осеннему ласково. Выскочив из кустов, с радостью и непривычным ощущением счастья увидел жену на том же камне. Она, видимо, искупалась, расчёсывала и сушила на теплом ветерке черные волны длинных волос. Он, стыдливо прячась за кустами, тоже искупался в потерявшей летнее тепло воде, и они, взявшись за руки, в волнении направились к стойбищу. Они знали: предстоит пройти обряды благословения новой семьи. Как только они показались на виду у стана, навстречу вышли двое во всём белом: Отец народа и мать Хун-Кызы. Они вели в поводу двух белых лошадей – первые подарки молодоженам. Остановившись, отец нацедил из притороченного к лошади бурдюка кумысу в деревянную чашу и передал её матери. Та, обмакнув пальцы в кумыс, брызнула на землю и подала жениху, шепча благопожелания. Алаты отпил и передал чашу невесте. Парень и девушка переняли лошадей у родителей, и все двинулись к сбежавшимся людям. Оказалось, в сторонке от жилища отца уже был сооружен новый чум, крытый древесной корой. Рядом вкопан столб-коновязь, меланхолично жевала корова и лениво пощипывала травку стайка из 12 подаренных овец. Алаты привязал лошадей к коновязи. Хун-Кызы подали деревянное ведро, и она, подоив корову, первая вошла в чум, привычными движениями налила в висевший над будущим кострищем казан молока, бросила в него несколько горстей поджаренного ячменного толокна. Умелым ударом кресала о камень запалила семейный очаг. Как только белые клубы повалили из дымохода, снаружи раздались приветственные клики. Близкие родственники вошли в чум и расселись на войлочные ковры, из-под которых ещё выглядывала травка. Хун-Кызы молча угостила вошедших быстро вскипевшим толокном.

Не прошло и недели, как неторопливая пастушья жизнь стойбища была нарушена. Шумная кавалькада из полутора десятка ярко разодетых и пропыленных дальней дорогой всадников проследовала к юрте Отца народа, хана пастухов. Опытные кочевники знали: каждую осень являются посланники верховного властителя, хана ханов, батыра батыров, принимать договорную дань айратов — стадо овец и табун лошадей. Они не ошиблись. Но на этот раз они принесли Отцу народа Ак Баши ещё и печальную весть. Где-то в чужих горах, на чуждой войне погиб его старший сын. С десятков лет назад Ак Баши обменялись сыновьями с ханом ханов в залог доверия и ненападения. Теперь хан требовал другого сына. И Алаты пришлось покинуть родину надолго, скорее всего навсегда.

Отец перед отъездом один на один беседовал с сыном, рассказывал о нравах и обычаях людей, среди которых ему придется жить, одни надо соблюдать обязательно, другие ни в коем случае. Хан ханов перенес стан в полуденную сторону, там теплее. Изнежился. Перенял порядки у соседних чинских императоров, требует, чтоб ему поклонялись, как богу, завел сотни жен и наложниц, тьму прихлебателей-слуг.

Мы с ним договаривались, что мой сын будет жить у него на положении его сына. Но, надеюсь, ты не соблазнишься его развратными обыкновениями, не станешь молиться чужим богам.

Из-за того что стадо овец двигалось медленно, с остановками на кормежку, путь оказался долгим. Но зато не очень утомительным. Дорогу мужской компании скрашивала Хун-Кызы. Приученные к преклонению перед ханами воины выказывали ей чрезмерную, как чудилось Алаты, почтительность. Она платила им весёлостью, вечерними песнопениями, умением быстро приготовить

разнообразную пищу. Каждый вечер они ставили для молодоженов войлочную юрту, а сами укладывались спать невдалеке под открытым небом головами на седлах. Только в дождь они набивались в юрту и дремали вповалку. Постепенно таяла отчужденность, и за дорогу Алаты обрел друзей, что пригодились ему впоследствии. За время от полнолуния до другого полнолуния они достигли столицы.

В стане хана ханов удивительному и невиданному не было предела. Впервые в жизни Алаты и Хун-Кызы увидели не открытое всем вольным дорогам стойбище, а зажатый с четырех сторон высоченными стенами, тесно заставленный жилищами из камня и дерева город. Их с небольшой кучкой сопровождающих отделили от стад и, пропустив после долгих переговоров со стражей через огромные скрипучие ворота, привели ещё к одним каменным стенам, за которыми прятались дворцы хана ханов, его приближенных и слуг.

Молодых поселили в деревянном домике и приставили то ли стражей, то ли слуг. Глава отряда, доставивший их в столицу, явился разодетый в цветное, вымытый, причесанный, с невесть откуда взявшейся слащавой улыбкой сказал, что хан ханов, батыр батыров позволяет сыну Ак Баши явиться перед его солнечные очи в тронный зал завтра утром. Ему надо помыться, придеться во всё лучшее. Для чего повелел прислать приличествующие его сану одеяния. Он также жалуется его жене платья, какие носят его ближние женщины.

Но с ней он познакомится позднее.

Когда утром, попробовав непривычную пищу, Алаты обрядился в ханскую одежду, Хун-Кызы долго и залиристо хохотала: похож на айратского чудилу Таракая в травяной шубе. Муж скинул барахло и нарядился в свои белые с

вышивками по краям тканые рубаху и штаны, накинул сверху длиннополый, тоже белый, тонкой шерсти кафтан и подпоясался широким с медными бляхами ремнем, с которого свисали огниво и нож в кожаных чехлах.

Сопровождавшие шептали, что надо бы оставить нож, а войдя в зал, по чинскому обычаю ползти до трона и лобызать священные стопы хана ханов, батыра батыров. Никогда в жизни Алаты не пробовал ползать. Надо бы поучиться у червей, с усмешкой подумал он, и это успокоило его. Огромное помещение зала по сторонам было заполнено ярко одетыми людьми. В противоположном от входа конце на причудливом троне сидел неимоверно толстый, рыхлый человек с лепешкообразным неестественно белым лицом, на котором обозначались маленькие заплывшие жиром глазки, острые, будто начерченные углем усики, жидкая явно крашенная черная борода, высокомерно выгнутый рот. Пол блестел. Как только Алаты, нимало не сгибаясь, зашагал к тону, по залу пронесся тайфун удивленных вскриков. Стражники кинулись было за ним, но хан ханов сделал ленивый знак рукой, и они вернулись. Алаты поклонился и произнес:

— Ак Баши и народ айратов шлют тебе, хан ханов, батыр батыров, слова покорности и благодарности за защиту от врагов и мир, в котором мы проживаем. Мой отец наказал мне слушаться всех твоих премудрых наставлений, исполнять все твои повеления. Он уверен, что ты примешь меня, как отец. Поэтому я говорю: «Здравствуй, отец!»

Лицо-блин расплылось в самодовольной улыбке. «Здравствуй, сын...Рассказывай». Хан снова сделал знак рукой, челядь быстро испарилась.

Алаты молчал, не зная, что хана интересует. Тот ухмыльнулся и заговорил сам:

- Я оставил тебя одного, чтоб сразу сказать то, что будем знать только мы с тобой. Мне понравилось твоё смелое

поведение и немногословие. Мои приближенные научились у чинских людей велеречивости и словоблудию. Но не думай, что ты для меня загадка. В твоём народе есть мои глаза и уши. Я не настолько беспечен, чтоб допустить в свой ближний круг неизвестного, да ещё с ножом на поясе. Нож-то хоть добрый? Дай-ка взгляну. Ха-ха! Разве такое оружие должно быть у сына кагана!

Хан покопался в своих многочисленных одежках у пояса и извлёк блестящий, ювелирно отделанный клинок.

– Запомни первое моё повеление: сын кагана должен, понимаешь, должен иметь всё самое лучшее. Если тебе надоест жена, дам самую лучшую красавицу моей земли. Ха-ха-ха. Распросив о тебе, я ещё до твоего прибытия принял решения, о которых сейчас расскажу. У меня много сыновей от разных жен. Но все они изнежены и развращены богатством и роскошью. В отличие от тебя они обленились, не приучены к труду и трудностям жизни. Мне нужна надёжная опора в защите ханства. И я сделаю тебя кизером, предводителем моего войска. Я приставляю к тебе лучших воинов, чтоб они обучили тебя боевым искусствам. Потом я повелю моим полководцам научить тебя умению побеждать любого врага. Ты сядешь в круг мудрейших, чтобы познать устройство жизни, неба, земли и подземелья. А когда боги призовут меня, ты станешь опорой моего преемника. Старайся. Я не хотел бы ошибиться в тебе...

– Повинуюсь, отец...

Рыхлый толстяк, хан ханов недаром правил огромной страной, умел добиваться своего. Алаты во главе многотысячной конницы носился из конца в конец державы, усмирял непокорных, опережал желающих напасть и пограбить. Слава и страх при его имени неслись по просторам Азии. Но знали его дома теперь под именем Кизер, а на юге Гессер, на западе Кейсар.

Но не думал Кизер, что ему доведется усмирять своих сородичей. Сын хана ханов, который жил по договору среди айратов, тайно сообщил, что там назрел бунт. При отсутствии наследника сына у Ак Баши его племянник Шергей распустил слух, что по завету предков Отец народа не может править более дюжины лет. Более того, если он нарушает этот завет, священная обязанность каждого пастуха убить его, за что боги возьмут его в верхнее царство. Шергей сколотил отряд сорванцов, тайно вооружал их и обучал владению оружием. Где-то разыскал певца – хайчи, который по целым ночам пел сорванцам сказания о том, как их далёкие предки лихо носились по земле, обряжались в иноземные шелка, пили сладкие вина, бросали поперек седла белотелых красавиц. Не успел Кизер принять меры, как прискакал на взмыленном коне сын хана ханов, привёз страшную весть. Шергей убил Ак Баши, объявил себя ханом айратов и двинулся грабить соседей. Себя он объявил Кара Булатом, Черносталльным.

Несколько сот всадников Кара Булата внезапно, как они думали, налетели на стойбище калмаков. Но чумы оказались необитаемыми, пустыми, в полях ни скотинки. Посланцы Кизера предупредили калмаков, и те откочевали за лес. В ярости сорванцы носились по стойбищу и палили жилища. Когда наутро они в унынии двинулись дальше, вдруг из леса вылетела и ошетилилась копьями многотысячная стена конников. Сверкали на утреннем солнце щиты и кольчуги. Ни вправо, ни влево не было видно конца шеренге. Над степью раздался многоголосый хохот. Настолько жалкой и смешной казалась кучка потерявшихся грабителей в шлемах и щитах, сплетенных из ивовых прутьев. От шеренги отделился Кизер на увешанном яркими попонами коне:

Выезжай, подлый убийца Шергей, поговорим! Я

мог бы приказать растерзать тебя, как бешеного кобеля, нарушившего вековые заветы предков. Но я предоставляю тебе возможность умереть в бою. Выдели из своих дюжину, и я отряжу столько, пусть вместе с тобой сразятся у всех на глазах. Если твои победят, я отпущу всех с миром.

Конные дюжины стали лицом к лицу. Не успели айраты наставить копыта, как меж шеренгами просвистели арканы, и пастушья цепочка оказалась на земле, а испуганные кони, лишившись всадников, разбежались. Сорванцы привстали на колени, моля о пощаде. Только Шергей встал с перекошенным от злобы и унижения лицом, обвитый арканом. Ему недолго пришлось ждать своей участи. По знаку Кизера из шеренги вылетел конник, вихрем промчался мимо Шергея, молниеносно сверкнул меч, и голова бунтаря покатила по траве. Пастухи вскричали и завертели на конях с желанием бежать. Но раздался зычный голос Кизера, привыкшего повелевать:

Не спешите, братья пастухи! Вы получили урок. Надеюсь, запомните его надолго. Поэтому никто не будет наказан. Живите в мире по завету предков наших, который гласит: ни с кем никогда не воевать, никого никогда не грабить. Пока вами править будет известный вам сын хана ханов Молат. Он созовет хурал, который выберет вождя народа.

— Уже избран! — закричали из толпы.

Пастухи раздвинулись, и вдалеке показался всадник на белом коне, в белой одежде, с длинной белой бородой, с высоким белым колпаком на голове. Кизер узнал главу рода обаков, кочевавшего возле Оби. Он легонько похлопал своего коня, и тот преклонил колено перед новым Отцом айратов, Пастырем пастухов.

Хоть и немного времени был вождем айратов Шергей, похоронили его в общем ряду с другими предводителями,

в срубе, насыпали холм. Вместе с отрубленной головой в могилу положили золотое кольцо нашейной гривны, бывшее некогда символом ханской власти, которое где-то отыскал Шергей и последние дни носил напоказ. Совет мудрецов так решил, чтоб ещё раз предупредить попытки насильственного захвата власти.

Река времен неспешно катила свои воды и вот уж унесла в неведомые края постаревшего хана ханов. На престол огромного государства взгромоздился один из его сыновей, столь же располневший и хитроумный, Гоген Батур. Что-то менять в стране ему было лень. Но вроде бы надо. Он созывал приближенных, подолгу говорил, говорил, выдумывал реформы. Но как только ушлые прихлебатели намекали, что ему надо самому пошевелиться, отступал. Подобная беседа была и с Кизером. Почему его сродичи айраты не дают рекрутов в его армии, как это делают другие народы? Алаты напомнил, что не все народы это делают. Северные оленеводы малочисленны. Если у них забрать мужчин, народ иссякнет. С пастухами в давние времена заключено соглашение, которое они неукоснительно выполняют.

— А если я изменю соглашение, которое не видел и не слышал?

— Ты недосчитаешься по осени табуна коней и стада жирных барашков. И рекрутов мы не увидим.

— Они посмеют меня послушаться?

— Их больше в твоём царстве не будет. Айраты откочуют неизвестно куда, как прикочевали неведомо откуда. Это они умеют ловко делать. Мир велик. Где край его, никто не знает. Мне с нашим войском не раз приходилось много дней скакать по степям и лесам, не встречая ни одного чума, ни одного дыма от костра.

— Но ты же знаешь, куда они подадутся!

– Нет. Это будет решать хурал мудрейших. Отцы родов поведут своих вслед.

– Выходит, я не хозяин в своём доме. И буду терпеть такой позор, чтобы подвластный мне народ плодил трусов, не умеющих и не желающих воевать.

Сильно рассвирепел Гоген. Теперь благополучие айратов зависит от того, кто опередит. Он, Кизер, или посланники Гогена. И Алаты направил Отцу айратов с двумя доверенными воинами подарки, в числе которых были посох и бич – знаки беды. Сам он пришёл к Гогену с нижайшей просьбой отпустить его на покой по старости. Как он предполагал, хан охотно согласился, богато одарил. Хун-Кызы к тому времени уже покоилась в мавзолее. Алаты раздал имущество преданным воинам, посидел одну ночь у мавзолея жены. Заметая следы, он отобрал двенадцать конников, которые проводили его в горы. Там, на берегу бурного потока, они по его просьбе приподняли арканами огромный камень и, положив под него меч Кизера, опустили. Заранее подготовленный умелец выбил на плоской стороне камня силуэт меча, сохранившийся на многие века. У камня Кизер переоделся в простую белую одежду пастуха и простился с сопровождавшими, сказав, что едет на встречу со Светлым духом гор.

Однако за перевалом Алаты повернул на запад и вскоре оказался на родине. Как он предполагал, вольные пастбища и стоянки были пусты. Степные ветры вздымали пепел от кострищ, катили не встречающие препятствий широкие волны по траве, по брошенным ячменным полям. Потеряв счет дням и ночам, скакал одинокий всадник по необъятным просторам от реки Чар Иш до реки Ирт Иш и дальше, дальше вслед за солнцем. По одному ему понятным знакам он распознавал направление, куда кочевали айраты. Перевалив через горы, он оказался в

местности, похожей на родину. Увалы покрывали берёзы, берега рек опушивал черемошник, в низинах пахло мятой. Над головой носились знакомые птицы. Осень позолотила леса и доли.

Однажды вдруг защемило сердце. Он услышал знакомый наигрыш дудки. Выехав на пригорок, увидел на лугу две шеренги танцующей молодежи, а за ними по увалу разбросанные чумы с поднимающимися к облакам дымами. Мимо пробежала чернокосяя девушка, а за ней парень.

Старый пастух и воин, сойдя с коня, стоял на коленях, воздев руки к небу, и со слезами на глазах благодарил богов за спасение народа и дарование благодатной земли.

А на взгорке у Чарыша Митрич заканчивал свой рассказ. Директор кирзавода и Палыч посапывали в сторонке, вольготно развалившись на пахучей траве. Подростки кувыркались, разминая занемевшие ноги. Разгоралась утренняя заря. В какой-то известный только ему момент учитель разбудил всех и велел смотреть на восток. Первым ожидаемое чудо заметил опытный гробокопатель Палыч. Над краем склона к реке четко рисовалась цепочка холмов.

– Курганы! – воскликнул Палыч.

– Могильники! – сказал Митрич.

– Тут работы на десяток лет, – обрадовался Палыч.

– А где же глину нам брать, ёлки-копалки! – возник директор.

– Вот сейчас вешки на курганы расставим, и копай, где могилок нет, ответил за всех учитель. Учёные согласились. При том Палыч добавил:

– И скажите своим копалам, чтоб вернули золотишко, пока я здесь и заявление в милицию не написал.

Днём к раскопкам прибежал мальчишка и подал учёным большое разомкнутое кольцо с палец толщиной и

змеиными ощеренными головами на концах.

А золотишко-то наше, алтайское, ишь серебром
отсвечивает! – сказал Палыч.

– Поди лечебные свойства имело... предположил
учитель.

– Похоже, последнего владельца вылечило от головной
боли, – подытожил склонный к чёрному юмору Палыч.